

14
logy
Российская Академия наук
Санкт-Петербургский институт истории
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники

Институт «Русское зарубежье»
Санкт-Петербургского центра международного сотрудничества

Государственный Эрмитаж
Всероссийский музей А. С. Пушкина
Российский институт истории искусств
Российская национальная библиотека
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

при поддержке
Администрации Санкт-Петербурга и
Генерального Консульства Чешской Республики в Санкт-Петербурге

Зарубежная Россия 1917–1939

Книга 2

«Лики России»
Санкт-Петербург
2003

осознания культурой первой волны русской эмиграции трагического конца Русского Зарубежья, и одновременно, осмысления непреходящей значимости того вклада в мировую культуру, который был внесен «Россией в изгнании».

¹ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953.

² Русский сборник. Кн. 1. Париж, 1946. С. 19.

³ Собрание семьи Резниковых (Париж). Далее цитируется в тексте: *Собр. Резниковых*.

⁴ Кашина-Евреинова А. Н. Н. Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964. С. 77.

⁵ Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1953. № 15023. 14 июня.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

С. Н. Доценко (Эстония)

А. Ремизов и И. Бунин: что скрывается за антагонизмом двух писателей?

И. Бунин произведения А. Ремизова не любил, если быть точнее — не любил и не понимал их язык, сам *стиль*. Известен отзыв Бунина о Ремизове в письме литературоведу П. М. Бицилли от 16 мая 1936 г., что он «нестерпим и смехотворен при всех его усидчивых способностях ... составляет по областным словарям ... никогда не существовавший и не могущий существовать мерзейший русский язык (да еще и сам выдумывает гадкие и глупые слова)»¹. Сам Ремизов свидетельствовал, тем самым уточняя суть раздражения Бунина (запись в дневнике от 14 ноября 1956): «Единственный Бунин обратил внимание не на слова, а на слог — связь слов. Мой синтаксис приводил его в ярость: безграмотно»².

Такового рода оценки, даваемые одним писателем другому, вовсе не редкость. Что за ними стоит? Чисто субъективные, вкусовые оценки, личная неприязнь к возможному конкуренту или же нечто более важное, объективное, что может привлечь внимание историка литературы? В этом необходимо разобраться.

Для Бунина Ремизов прежде всего представитель направления, которое всегда вызывало у него неприятие, переходящее в раздражение. Проще говоря, Бунин не выносил модернизма во всех его проявлениях (от символистов и акмеистов — до футуристов). И языковые эксперименты писателей-модернистов вызывали у него только едкий сарказм. Разумеется, Бунин не очень стремился вникнуть в специфику положения Ремизова в лагере так называемых «символистов» (сам Ремизов среди прочих символистов держался особняком, хотя и печатался в большинстве символистских журналов и альманахов). Литературные предпочтения Ремизова были далеко или по крайней мере не только символистскими. И оценка им роли и значения русского символизма была скорей отрицательная: «Когда говорят о литературе конца 90-х годов и начала нашего века — «ренессанс», не говорят «чего». Надо думать о 20–30 годах девятнадцатого века. Символисты под знаком Пушкина. А сборники «Северные цветы» — пушкинской традиции. В этом смысле можно понимать ренессанс. Но по талантности единственный Блок, все остальные поэты от Брюсова до Чулкова под определение ренессанс не подходят. ... А о прозе вернее было бы сказать не ренессанс, а декаданс»³.

Исключительно показательно и такое самоопределение Ремизова (дневниковая запись от 19 ноября 1956): «Андрей Белый, Хлебников, Маяковский,

примите и меня в эту словесную компанию»⁴. Свое место в литературе Ремизов видит не в «словесной компании» Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта, З. Гиппиус, А. Блока, Вяч. Иванова, а скорей — В. Хлебникова и В. Маяковского (даже Андрей Белый в этом ряду — фигура, которая скорей ближе к футуристам, чем к символистам). Так что объяснять неприятие Буниным Ремизова тем, что тот — символист, представляется ошибочным. У Бунина для этого было другое основание. Свет на него отчасти проливает Н. Кодрянская: «Бунин считал и не раз об этом говорил, что утверждение Ремизова, будто все мы теперь пишем испорченным русским языком, неверно. Мнимую «порчу» Бунин называл упорядочением, очищением, окончательным установлением. А попытки Ремизова писать так, как писали до Петра, или уловить разговорный «живой» склад речи того времени, считал неосуществимым, а главное, ненужным»⁵.

Суть расхождения Бунина и Ремизова заключается в разном понимании эволюции русского литературного языка, его стилового развития. В 1950-е годы Ремизов делает несколько записей, касающихся проблемы генезиса и эволюции русской книжной (по сути дела — литературной) речи: «Россия достойна своего слова — почему же в русских книгах сказывается не по-русски? И то, что считается образцом русской книжной речи, наши классики, написано или по-французски, или по-немецки»⁶. «Лепет перепевов, пустая бумага, засиженная мухами — книжная русская речь»⁷. «...Движение русского слова втиснуто в синтаксис по иностранным образцам, «корректировано» по Гречу и Гроту. ... А по-другому писать нельзя? Нельзя. Но должно: Россия достойна выражаться на своем языке — русским ладом, а не на мешанине иностранных стилей. Мне очень трудно писать. В чем дело? ... А вот в чем: в моей языковой душе идет непрерывная борьба между моим русским природным ладом и навязанной мне немецко-французской грамматикой, по ней я учился, читал образцовые произведения русской литературы»⁸.

В эссе о Ф. Достоевском «Звезда-полюнь» (1946) Ремизов изложит кратко и образно свое понимание истории русского литературного языка: «Ходили мы в болгарском платье (XI в.) — с этого начинается история русского слова. Потом нарядят в блестящие церковно-славянские одежды (XVI в.), потом, дубинкой околота драгоценности, заставят напялить тяжелые немецкие камзолы, а потом кургузые прямо из Парижа (XVIII в.). Так и пойдет «русская литература»: кто в лес, кто по дрова (XIX в.). ... Возрождение начнется символистами, но неудачно: слащавый провинциализм Сологуба, гоголевский копиист со стрекотней Заратустры — Андрей Белый и вроде как по-латыни «пушкинская» проза Брюсова. Всякая попытка искусства слова на Руси глохнет. ... Искусство — это значит распорядиться: вертеть и перебрасывать. А как можно что-нибудь передвинуть одеревенелое, искусственно закованное? Мы ведь и думаем-то не по-русски»⁹.

Таким образом, Бунин (с его известным пиететом перед Тургеневым, Толстым и Чеховым) для Ремизова оказывался прежде всего продолжателем той линии эволюции русского языка, которая навязала ему «немецко-французскую грамматику», «мешанину иностранных стилей». Этим объясняется парадокс: для того, кто был воспитан на «образцовых» («классических») произведениях русской литературы (Пушкин, Л. Толстой, Тургенев, Чехов), язык Ремизова казался не русским (например Бунину).

Примечательно, что упреки Ремизову в «безграмотности», «неправильности» (языка и стиля), «бессмысленности», «косноязычии» и т. п. делали преимущественно писатели и критики, отстаивавшие «литературный канон», «классическую» норму. Характерен также типичный отзыв о книгах Ремизова вел. кн. Константина Константиновича Романова: «не по-русски-де написано»¹⁰.

А в одном из писем Л. Ржевскому (1950-е гг.) Ремизов признавался: «Меня дол- бят тридцать лет: пишу не по-русски»¹¹. О «неправильном», «плохом» русском языке Ремизова не без сарказма писал и В. Набоков: «...Какая небрежность, какой случайный подбор слов, какой, подчас, суконный язык...»¹² Реплика тоже не случайная, ибо Набоков конца 1920-х гг. находился под сильным влиянием ли- тературного стиля Бунина.

«Неправильность», синтаксическое и стилистическое «юрродство» Ремизо- ва (которым, по сути, и было то самое возмущавшее Бунина ремизовское «без- образие») были его попыткой и стремлением разрушить и/или обновить «лите- ратурный канон» — «классическую» традицию. Именно поэтому Ремизову (как, например, и Хлебникову) не суждено было в принципе стать так называемым «классиком». Невозможность (в отличие от того же Бунина) стать классиком при жизни хорошо осознавалась Ремизовым и провоцировала понятную само- иронию. В письме Н. Кодрянской 17 июля 1947 г. Ремизов сообщает о визите Бунина: «Я его (Бунин. — С. Д.) успокоил: меня зачислят в классики, но это только (так надо думать) после моей смерти, а он зачислен»¹³. В то же время Ремизов позволял себе провокативные мистификации. 19 апреля 1949 г. Н. Тэф- фи сообщила в письме Бунину: «Ремизов сказал по секрету Пантелею (Б. Г. Пан- телеймонову. — С. Д.), что он, Ремизов, признан в России классиком. Он сейчас правит Пушкина».

Трудно сказать, что стоит за словами: Ремизов «правит Пушкина» (по кон- тексту можно предположить, что это передача слов самого Ремизова). Но вот фраза о признании в России Ремизова классиком — явная провокация, объек- том которой был прежде всего Бунин. Это тем более очевидно, так как в тогдеш- ней России Ремизов был прочно забыт, и о каком-либо его «признании» там — говорить не приходится. Фразу же о «правке» Пушкина можно понимать и как продолжение мистификации-провокации: почему бы «признанному классику» и не «поправить» другого, хотя бы того же Пушкина? Свою литературную зада- чу Ремизов определил так (запись в дневнике от 22 ноября 1956 г.): «А мое дело короче: оживить русским ладом затасканную русскую беллетристику»¹⁴.

Кто из русских писателей был образцом для Бунина? Тургенев, Л. Толстой и Чехов (а во главе «величайших русских писателей» он поставит Тургенева и Толстого¹⁵). Для Ремизова же образцом были скорее Гоголь, Достоевский и Лесков. Причем не как идеологи, а именно как *мастера стиля*, литературного языка. Это писатели, которые вызывали раздражение и упреки Бунина. Н. Код- рянская вспоминала: «Гоголя Бунин недолюбливал и не только Ремизову, но и мне не раз говорил, что Гоголь «лубок». Смущало Бунина и то, что было в Гоголе уклончивого, хитрого и двоящегося. Он признавал, конечно, великое дарование Гоголя, но считал, что основное свойство русской литературы — правдивость, и что научил ее этому не Гоголь, а Пушкин и Толстой»¹⁶.

Ю. М. Лотман в статье «Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский»)» объяснял сложное отношение Бунина к творчеству и самой лич- ности Достоевского созданием собственного историко-литературного мифа о русской литературе. Суть его — в различении двух литературных (стилевых) традиций. Одна (условно говоря, «петербургская») воплощалась для Бунина именами Гоголя и Достоевского, другая (условно говоря, «курско-орловско- тульская») — именами И. Тургенева, Л. Толстого, В. Жуковского, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Толстого, Я. Полонского и др., которые, по мысли Бунина, и создали «богатейший» русский язык. Бунин считал, что все дело в происхождении писа- теля из тех мест, где, как он считал, формировался *подлинный* литературный русский язык, то есть в Тульской и Орловской губерниях. Себя Бунин считал

хранителем и продолжателем стилиевой традиции Л. Толстого и Тургенева. Достоевскому и Гоголю в ряду создателей русского литературного языка должного места не нашлось¹⁷.

Иными словами, Бунин, не сумевший понять специфику стилистики и поэтики Гоголя и Достоевского, просто инстинктивно ощущал чуждость для себя этих писателей, как и традиции, которую они воплощали. А писатель Ремизов как раз и был продолжателем этой традиции Гоголя и Достоевского, чуждой Бунину, и потому неизбежно должен был у Бунина вызывать неприязнь, раздражение и осуждение. Если вспомнить, что у Ремизова была своя концепция эволюции русской литературы, то полемика Бунина с ним может быть понята не как спор двух писательских самолюбий, а как спор двух концепций, двух точек зрения на прошлое, настоящее и будущее русской литературы.

¹ Русская литература. 1961. № 4. С. 154–155.

² *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 300.

³ Там же. С. 301–302.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 12.

⁶ *Ремизов А.* Рабочая тетрадь 50-е гг. // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 213.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж, 1954. С. 211.

¹⁰ *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Paris, 1981. P. 14.

¹¹ *Ржевский Л.* Встречи с А. М. Ремизовым // Литературный курьер. 1986–1987. № 12. С. 26.

¹² *Сирин В. А.* Ремизов. Звезда надзвездная // Руль. 1928, 14 ноября.

¹³ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 48.

¹⁴ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 30.

¹⁵ *Бунин И.* Собр. соч. В 9 т. М, 1967. Т. 9. С. 267.

¹⁶ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. С. 12–13.

¹⁷ *Лотман Ю.* Избр. статьи. Таллинн, 1992. Т. III. С. 172–184.

Ц. Кучера (Чешская республика)

Литература русской эмиграции в межвоенной Чехословакии

Из известных авторов в Праге жили Василий Немирович-Данченко (1845–1936), брат известного режиссера, автор романов и рассказов; прозаик и драматург Евгений Чириков (1864–1932); поэт Даниил Ратгауз (1868–1937), лирику которого положили на музыку Чайковский, Рахманинов, Гречанинов; прозаик Петр Кожевников (1871–1933), многие рассказы которого связаны с Прагой; преждевременно умерший сатирик и юморист Аркадий Аверченко (1881–1925); ученик Горького, прозаик Иосиф Каллиников (1890–1934). За исключением Петра Кожевникова все они включены в «Литературную энциклопедию Русского Зарубежья» (Москва, 1997, т.1).

Только теперь стала очевидной громадная роль, которую играл в культурной жизни межвоенной Чехословакии трагически погибший Альфред Бем (1886–1945). Он происходил из семьи киевских немцев, окончил университет